

Падение гроба на землю считалось дурным знаком, и в толпе начали шептаться. Восемь потных носильщиков сменили веревки, но как ни пытались, не могли поднять гроб вчетвером.

Ропот в похоронной процессии усилился. Кто-то ругал носильщиков, мол, деньги берут, а толку никакого. Один молодой носильщик, вспылив, огрызнулся на зевак:

— Сами попробуйте! Посмотрим, сможете ли поднять такой тяж...

Не успел он договорить, как старший носильщик оборвал его. На похоронах нельзя было произносить слова «тяжелый», «тяжесть» и прочие.

Старший носильщик о чем-то пошептался со старшим братом семьи Лу, отчего лицо того помрачнело. Он выбрал из процессии еще восемь крепких молодых мужчин, так что гроб несли уже шестнадцать человек.

Но не прошли они и нескольких шагов, как веревки снова лопнули. Глухой удар отозвался в сердцах людей, напугав даже тех, кто помогал нести. Больше желающих не нашлось.

Семье Лу пришлось отказаться от традиционных похорон. Гроб погрузили в катафалк и повезли в крематорий. Тань Нин ехал в одной из сопровождающих машин и втайне позвонил старику Хао, рассказав о странностях похорон. Старик успокоил его парой фраз и велел оставаться там до конца, а после захоронения взять горсть земли с могилы Лу Инсина — только так можно избежать беды.

Тань Нин отчаянно кивал, потом спохватился, что старик его не видит, и тихо пробормотал в трубку, что всё сделает. Перед кремацией тело Лу Инсина выставили для прощания в траурном зале. Тань Нин стоял среди венков в окружении скорбной толпы под заунывную музыку.

Вдруг ему почудилось, будто кто-то на него смотрит. Он огляделся — люди в черном либо безучастно, либо с горестными лицами глядели на портрет усопшего, но никто не обращал внимания на Тань Нина.

Однако ощущение чужого взгляда лишь усиливалось, давило между лопаток и вселяло тревогу. Тань Нин списал это на нервы и постарался успокоиться глубокими вдохами. Немного привыкнув к гнетущей атмосфере, он тоже поднял голову к черно-белому портрету в окружении белых хризантем.

На фото Лу Инсин смотрел прямо на Тань Нина бесстрастными темными глазами. В строгом костюме он казался совсем другим человеком — холодным и чужим, без намека на привычное озорство. Глядя на портрет, Тань Нин ощутил пронзительное чувство нереальности происходящего.

Наконец церемония прощания завершилась, и сотрудники увезли тело в крематорий. Тань Нин с облегчением направился к выходу, но ощущение слезки не пропадало. Он оглянулся — сзади висел лишь портрет Лу Инсина.

«Должно быть, от напряжения мерещится всякое», — подумал он, встряхнув головой. Уже у самого порога Тань Нина черт дернул посмотреть назад. В холодном свете ламп он увидел, как зрачки на портрете сдвинулись влево, встретившись с его взглядом.

Тань Нина прошиб озноб. Не веря глазам, он протер их и снова посмотрел на фото. Зрачки Лу Инсина вернулись в прежнее положение.

«Померещилось», — решил Тань Нин, переступая порог. Но тут ледяное чувство чужого взгляда снова поползло по спине. Не в силах противостоять искушению, он обернулся и застыл: на портрете губы Лу Инсина медленно растягивались в жуткой улыбке!

В этот миг ужас пронзил Тань Нина с ног до головы, на лбу выступил холодный пот. Он в панике выбежал из зала, надеясь скрыться от зловещего портрета, и трясущимися руками набрал номер Лао Хао. Выслушав сбивчивый рассказ, тот невозмутимо ответил:

— Ничего страшного. Просто делай, как я сказал, и проблем не будет.

Этих слов хватило, чтобы Тань Нин немного пришел в себя. Он отправился с процессией на кладбище рядом с коттеджным поселком, помня наказ старика оглядываться каждые семь шагов. После погребения Тань Нин хотел взять землю с могилы, но современное кладбище было вымощено плиткой, и почву можно было раздобыть лишь с цветочных клумб.

Пришлось ждать, пока все разойдутся.

Тань Нин прождал почти час, все постепенно ушли, кроме Лу Цзюньчи. Брат выглядел еще более измотанным и осунувшимся, чем накануне. Щетина темнела на небритых щеках. Весь в черном — костюм, галстук, ботинки — он излучал глубокую скорбь.

— Тань Нин, — не отрывая взгляда от могилы, медленно проговорил Лу Цзюньчи, — не знаю, рассказывал ли тебе Инсин... думаю, вряд ли. При всей своей болтливости он умел хранить секреты.

Тань Нин слушал в недоумении.

— Когда вы с Инсином поссорились, с ним начали происходить странные вещи. По ночам он слышал загадочный женский плач - так явственно, что ни беруши, ни наушники

не помогали, будто звук шел изнутри головы.

— В лифте двери беспричинно открывались и закрывались, потом раздавался сигнал перегрузки. В душе из крана текла красная вода, а трубы постоянно забивались длинными черными волосами, хотя Инсин носил короткую стрижку.

— Сперва казалось, что это мелочи, что-то не значительное. Когда он впервые рассказал мне, я решил, что он шутит, ведь ты знаешь, каким несерьезным он бывал, — продолжал Лу Цзюньчи. — Но однажды я зашел к нему домой и увидел, как он душит себя руками, словно пытается задушить по-настоящему. Тань Нин, ты не находишь это странным? Разве может человек сам себя задушить?

Тань Нин ошарашенно смотрел на Лу Цзюньчи. Следующие слова заставили его похолодеть:

— А он чуть не умер у меня на глазах. Я отвез его в больницу, но это не помогло. Потом я пригласил разных мастеров, но и от них толку не было. А вскоре Инсин позвонил тебе, чтобы порвать отношения. Я видел, как он говорил с тобой по телефону – всё время улыбался, но знаешь что? Он улыбался сквозь слезы.

Тань Нин застыл. Рассказ Лу Цзюньчи пробирал до костей. Перед глазами вдруг всплыл жутко улыбающийся портрет из траурного зала — казалось, улыбка на нем вот-вот превратится в кровавые слезы.

— Инсин сказал мне, что не хочет втягивать тебя во всю эту чертовщину, — Лу Цзюньчи говорил дальше. — Потом, спустя какое-то время, возможно, благодаря новому мастеру, ему удалось избавиться от напасти. Но было уже поздно – ты начал встречаться с другим, и ваша связь оборвалась.

— Я рассказываю это не с какой-то целью. Человек умер, прах к праху, но я не хочу, чтобы его чувства к тебе тоже обратились в прах.

С этими словами Лу Цзюньчи развернулся и ушел, оставив Тань Нина одного среди могил. Ветер пронесся над пустынным кладбищем с тоскливым стоном. Даже среди бела дня Тань Нин ощутил, как в сердце закрадывается могильный холод.

Неужели Лу Инсин так сильно любил его, что не желал уходить даже после смерти? От этой мысли Тань Нина охватила паника, особенно в свете того, что ему предстояло взять землю с могилы.

Будь он «Тань Нином» из сюжета, он, возможно, был бы тронут глубиной чувств бывшего парня. Но реальный Тань Нин не испытывал к Лу Инсину ничего, кроме чувства вины. Столкнувшись с таким признанием в любви, он ощущал лишь неподъемную тяжесть, мешавшую дышать.

— Я... я обязательно буду жечь для тебя деньги, — пробормотал Тань Нин сдавленным голосом. Он принялся нести какую-то бессвязную покаянную чушь, затем открыл сумку, достал маленькую лопатку и пакет и начал украдкой, словно вор, набирать землю. В этот момент ощущение чужого взгляда вновь накрыло его с ног до головы.

Тань Нин знал, что на надгробии тоже есть фотография Лу Инсина. Смотрит ли он и с нее краем глаза? Появилась ли на мертвенно-бледном лице та же жуткая усмешка? Потекут ли из фото кровавые слезы?

Тань Нин гнал от себя эти мысли, но чем сильнее старался не думать, тем больше думал. Рука с совком тряслась как безумная, просыпая землю. Тань Нин не смел поднять глаза на портрет, стиснув зубы, он наспех набрал немного земли, закрыл пакет, схватил сумку и торопливо пошел прочь.

В мертвой тишине кладбища раздавались лишь неровные шаги Тань Нина.

Шурх-шурх-шурх. Шурх-шурх, шурх-шурх.

Но вдруг что-то изменилось в этих звуках, словно кто-то шел следом. Ледяной ветерок скользнул по шее Тань Нина, пробирая до костей. Он вздрогнул и ускорил шаг.

Бух-бух-бух — застучало в ушах, а за спиной, точно тень, вторило эхо чужих шагов.

Оно тоже побежало!

Стопы заледенели, будто кто-то наступал на пятки. Как быть? Что делать? Сердце колотилось всё быстрее, готовое выскочить из груди. Тань Нин бежал, задыхаясь, ноги налились свинцом. Стоило замедлиться, как ледяное присутствие за спиной приблизилось, затапливая тело, словно морской прилив.

Это напомнило Тань Нину о том, как он нес Лу Инсина по лестнице — тот же пронизывающий холод. В затуманенном потом взгляде Тань Нин различил силуэт старика, вышедшего из леса у кладбища. В френче и с суровым лицом, старик крикнул:

— Нельзя бегать по кладбищу!

С его появлением ледяной прилив схлынул. Тань Нин остановился, шатаясь и борясь с головокружением. Старик подошел и похлопал его по плечам. У Тань Нина не осталось сил, но от этих хлопков к нему вдруг вернулась бодрость, словно он ожил заново. Старик сурово произнес:

— В следующий раз беги помедленнее, а то так и душу можно растрясти!

Несмотря на суровую внешность, в этот миг старик показался Тань Нину самым добрым человеком на свете. Он поспешно спросил:

— Дедушка, можно я спущусь с горы вместе с вами?

Старик кивнул. Они пошли плечом к плечу. Тань Нин заметил, что, несмотря на возраст, старик удивительно крепок и шагает бодро. У ворот кладбища он остановился. Тань Нин недоуменно обернулся и увидел, что старик направляется назад.

— Вы не пойдете со мной? — спросил он.

— Я сторож этого кладбища, — строго ответил старик.

<http://bllate.org/book/14673/1303905>